

Теннадий Дорохин

СТАВКА ПО МАКСИМУМУ

Как-то зашел Бокаушин в карточный домик, ему крикнули вследа: смотри, дескать, втянешься, а он только рукой махнул в ответ: за меня не бойсь! И, конечно, вляпался. Заболел, аж в глазах темно. Из дома, само собой, старался особенно не тащить, но каждую свободную копеечку, которая прежде на доброе дело шла – на чулки Динке, на коробки конфет «Бобруйский зефир», в крайнем случае – на портфейное, проигрывал в пух и прах каким-то электрическим колесам.

Новая, послесоветская власть чуть не на каждом углу поставила эти карточные домики; в них и рулетки были, и покерные столы, но Бокаушин пристрастился к игровым автоматам. В этих здоровенных ящиках, похожих на кассовые аппараты, было натискано огромное количество денег. С утра и до утра, без выходных дней и праздников, без всяких учетов и санитарных дней, люди приносили в эти самые кассовые аппараты свои кровные сотенки, у кого водились – то и тысячи, и аппараты без устали поглощали эти деньги, и Бокаушин думал, что потому в мире и не хватает денег, что они затрамбованы в эти автоматы. Сам он ни разу не выиграл, так, по мелочи случалось, и его знакомые не выигрывали, и его родным и подавно не фартило, тем более что его родные изо всех сил боролись с казиноми. Но вот какое дело – каждый раз проигрывая, он для чего-то записывал в растрепанной записной книжке суммы, которые просаживал автоматам, и дни недели, и даже время. Зачем ему это было нужно, он и сам объяснить не мог. «На всякую случку!», – говорил он обычно. А может, он рассчитывал со временем посчитаться с автоматами, предъявить им свой счет? Вообще, он взял за моду записывать всякую чепуху, например, разопьет с друзьями бутылочку фряжского – и сразу за карандаш: так, мол, и так, 7 ноября по новому стилю бухали. По старому тоже пропустили по рюмочке, всех с ног снесло.

Однажды Динка полистала книжку, распухшую и потрепанную. Не всё поняла, потому что все цифры, буквы, знаки препинания, если они были, перепутались, перемешались, слиплись, как остывшая вермишель в закусочной на углу улиц Фоменко и Нестеренко. Но кое-что разобрала. Долго крутила перед глазами такую запись: «Д. недолго коб.» – и дата. Она поднапрягла память: что же такое могло случиться в этот день? – и вспомнила. Это тот самый день, когда у костра... в палатке... А надпись переводится на человеческий (человеческий ли?) так: «Динка недолго кобенилась».

Вот же летописец! Сволота! Она полистала еще и нашла: «Поспорил с Артурчиком на ящик пива, что трхн. Лидку. Пили вместе». Какую-такую Лидку он «трхн»? Ах, да, в одно время крутилась какая-то прошмандовка, где-то по соседству жила, прибежала чуть не каждый вечер: дайте щепоточку соли, займите полбуханки хлеба, нельзя ли у вас перехватить пятерку до зарплаты? Вот что ей перехватить хотелось... И перехватила...

Паразит, просто паразит...

Володька, а Бокаушина звали Володькой, думал, что рано или поздно наступит день, когда в автоматах создается критическая денежная масса, нужно только не проморгать этот день, и тогда только успевай мешки подставлять, да не мешки, а пульмановские вагоны или желтые кузова знаменитых белорусских грузовиков.

В общем, когда он всё-таки продал телевизор, – а чего им двум стоять, всё равно смотреть нечего, хватит и одного маленького на кухне, – Динка пошла в охранный бюро, где служил Володька – сутки на дежурстве, а двое дома, но он без отсыпу тащился, как бурлак, в казино – на эти самые двое суток, отпущенные ему на ласки жене, на дачные радости с пивом и шашлыком, прополкой картофана.

В охранный бюро она дошла до начальника, которого звали Владимиром Ивановичем. «Тоже Володька, – подумала Динка, – поди, и этот каждый грош к электрическим колесам тащит». Но она спокойно изложила ему свою беду: сегодня телевизор упер, а завтра и комод уволочет, помогите, может, через профсоюз на него подействовать – выговор, или, наоборот, путевку в те страны, где казино не бывает?

– Свинья грязи всегда найдет, – грубовато, но очень точно выразил смысл явления Владимир Иванович, – но мысль ваша здравая, можно попробовать вырвать человека на время из этой засасывающей среды.

«Если б он человеком был, так не пришлось бы его вырывать, сам бы понял, – подумала Динка. – Свинья, сволочь, недоделок...»

– В общем, подумаем, чем мы сможем вам помочь, – сказал начальник, мягко выпроваживая несчастную жену.

Она потащилась в свое жилище; шла медленно, еле ноги волочила – так противно ей было возвращаться домой, смотреть в бегающие глаза мужа. А вокруг всё было пропитано июнем, цвело все, что могло цвести, даже редька. Молодые люди на улицах сходили с ума, раздавали первым попавшимся девушкам цветы; девушки даже и не догадывались, что цветы эти с клумбы под окнами кабинета высшего городского начальника, которого возили в длиннющем черном «мерседесе» с черными стеклами; Динке почему-то казалось, что в этой машине обязательно есть двуспальная кровать, унитаз и биде. Биде – это такая фарфоровая штукovina для баб (на самом деле, всё так и было в машине, даже еще и больше – холодильник, а в холодильнике водка и банка с паюсной икрой).

Сумасшедшие ребята с цветами чуть не силком вручили и Динке букет, чуточку, конечно, примятый, но ей и таких, примятых, букетов отродясь не дарили.

Она так растерялась, что завернула в уличное кафе, заказала себе мороженое – пломбир с молочным шоколадом и бокал красного вина. А почему бы ей себя не побаловать? Один раз живем! Она выпила вино залпом, заказала еще. Одним махом выпила и этот бокал, а иначе она не умела. Пусть американские или какие-нибудь мальтийские дамочки сосут через соломинку, смакуя букет, а

нашим женщинам не до букета, надо за жизнью следить, ведь чуть отвернешься, как она норовит по башке дрыном врезать.

Затеплело у Динки в груди, чувства проснулись, как в молодые давнишние годы, да так проснулись, что она едва не задохнулась. Даже за сердце схватилась.

– Женщина, вам плохо? – строго спросила официантка.

– Нет, мне хорошо! – не соврала Динка.

Ей было почти хорошо; она знала, что совсем хорошо не бывает. Иной раз как будто поблазнит золотым-серебряным-счастливым, а приглядишься – заплатка на заплатке, долги, которые еще детям достанутся, болезни – одна за другой не переводятся, как долги же, сосед за стеной, сволочь, каждую ночь над женой измывается, а она и стонет, и скулит, и причитает, а забеременеть не может; если бы над Динкой так измывались, так она залетела бы с первого разочка; но никто не измывается – ни Бокашин, ни сосед, хотя как-то по-соседски намекал, но дальше намеков не пошло. Правда, приходил как-то просил сотню занять, но она не дура – не дала.

* * *

Она вдруг вспомнила, как у них с Бокаушиным все началось. Он за ней еще со школы приударял, всё в кино звал, брал билеты по сорок пять копеек – на последний ряд, а там старался поцеловать ее или будто бы ненароком дотронуться до груди. Она отбивалась, ей и взаправду кино хотелось посмотреть, а он приставал и приставал. Она про него всерьез даже и не думала, тоже, кавалер нашелся – руки, как грабли, голова, как помидор незрелый – с каким-то зеленоватым цветом волос, бугристая. Но однажды, уже после выпускного вечера, всем классом затеяли идти в поход, куда-то к озеру Садовскому. Набрали «танцовщиц» – на этикетках вермута картинка была с танцующими молдаванками, и добрались до озера уже веселыми, как коверные в цирке – сами чего-то кричат неразборчиво, сами же и хохочут, а то слезы фонтаном.

Динка тоже хохотала вместе со всеми над похабными анекдотами, даже сама рассказала один: «Если предположить, что нормальный здоровый мужик собирает в лесу за день 5 кило черники, а нормальная здоровая женщина собирает за день 4 кило черники, то это не значит, что если они вдвоем пойдут в лес, то соберут 9 кило черники...» В общем-то, анекдот туповатый, но Володька ржал над ним, как конь. Проржавшись, сказал:

– В наших краях черника не водится, только смородина...

– Девчата, пойдем за черникой, заодно и ягоды насобираем? – принялись шутить ребята.

– Дураки! – отбивались девчонки, но не очень строго.

Динке тогда нравился один чурбан очкастый из параллельного класса. Его, кажется, Кириллом звали, или Анатолием. Как-то так. У костра, который запылал на берегу реки, она сидела рядышком с ним, несмотря на тучи визжащих комаров, и подпевала ему, когда он выводил с надрывом: «...а если есть кто с тобою рядом – не стану долго мучиться, люблю тебя я до поворота, а дальше как получится...» Но чурбан не реагировал, все бренькал на гитаре. И чего они все, которые поют про поворот, про туманы и сырую тяжесть в сапогах, такие бестолковые? Она даже поцеловала его в щеку после очередной песни, дескать, так понравилось, а он потянулся к эмалированной кружке с «танцовщицами», которая ходила по кругу.

Все стали расползаться по палаткам, и вскоре она одна осталась у костра с очастым. «Вот сейчас он отложит гитару...», – мелькнуло в голове. Но тут откуда-то из темноты вынырнул Володька.

– У тебя, вижу, палатка двухместная, а ты один, – сказал он, –пустишь квартиранта? Меня, то есть.

Чурбан легко согласился, милее всего ему были песни, он как раз и выводил еще одну: «Если все шагают в ногу, мост обрушивается...»

Володька принялся затаскивать в чурбанскую палатку свой спальный мешок, собирался залечь, тем более что было далеко за полночь и лагерь давно храпел. А чурбан всё пел. И такая ночная лагерная тоска схватила Динку за сердце, что ни пером описать, ни под гитару пропеть!..

– Ну, я пошла спать, – сказала Динка в полуночное пространство, – пока...

Чурбан только кивнул, спасибо, что хоть расслышал.

Володька, наоборот, захлопал крыльями:

– Куда ты торопишься, посиди еще немного, послушай, как человек душевно поет...

И тут она не сдержалась:

– Достали уже ваши песни! Достали! Все только поете про любовь, а любить умеете ли? Умеете?..

– Умеем, еще как умеем, – ответил за себя и за очастого чурбана Володька.

А тот только усмехнулся, прервал на минуту очередной куплет, сказал непонятно:

– Просто мы на крыльях носим то, что носят на руках...

В общем-то, ничего такого он не сказал, но Динку задело.

– Да пошел ты! – сорвалась она и потянула Володьку за собой: – В моей палатке тоже есть место!..

Володька взвился как пружина, вытащил назад из палатки очарика спальный мешок, как вкопанный встал рядом с ней:

– Ну что, пойдём? Поздно уже...

Сколько раз потом вспоминала она эту ночь! Она думала, что вся жизнь ее могла сложиться совсем не так, останься она тогда у костра, рядом с чурбаном. И не оказалось бы в той жизни Володьки, володькиных неудач, всего его корявого существования.

Володька тогда затащил в ее палатку свой спальный мешок, сказал с напряжением:

– Я так сегодня устал...

Она стояла у палатки, не решаясь ни вернуться назад, ни забраться в свой спальный мешок.

– Идешь? – поторопил ее Володька.

– Что ты себе вообразил! – накинулась она на него. – Я забыла совсем, что в мою палатку собиралась Надька...

– Она давно дрыхнет в палатке у Анфисы, – сказал Володька.

– Нет, она сейчас придет, – стояла на своем Динка. – Вытаскивай свой спальник, иди к гитаристу.

Она думала, что Володька примется орать, а он внезапно согласился:

– Сейчас, спальник за что-то зацепился, кажется, за твою сумку...

– Погоди, не ворочайся там, как слон, я тебе помогу, – и она нырнула в палатку.

То, что он ее обманул, она поняла сразу, еще до того, как он навалился на нее, жадно принялся мять грудь, а зачем тогда лезла в палатку? И потом, ведь у нее никакой сумки и не было? Был рюкзак, а он сказал «сумка», а она тут же купилась?

Она отбивалась, шипела:

– Сволочь, сволочь ты!..

А он только стонал от натуги, веером разлетались по палатке пуговицы с ее кофточки; он рванул с нее лифчик, она вскрикнула, попыталась прикрыть грудь рукой, но там уже давно хозяйничала рука Володьки. Она вырвалась бы, конечно, разве Володька справился бы с ней? Но вдруг она как-то странно устала, из рук, всего тела вмиг ушла сила, Динка перестала сопротивляться.

«Уступила? Поддалась? Сама захотела?» – сто раз потом задавала она себе эти, в общем-то, ничего не значащие вопросы и не могла ответить (могла, еще как могла, но разве хотела?).

Володька аж заурчал от страсти, принялся покрывать ее тело поцелуями, ласкал умело, неожиданно нежно, и где только, стервец, научился? Она услышала как бы со стороны и свои собственные постанывания; всё сладилось? А если бы осталась у костра?

Гитарист наутро не проронил ни слова, хлебал из кружки чай и даже не смотрел в ее сторону. А Володьку просто распирало от счастья, он даже притащил ей прямо в палатку кофе, Динка чмокнула его за это в щеку – он засиял.

И началась жизнь. Она вышла за Володьку, а гитарист так и остался один, никогда не женился и лет пятнадцать спустя прислал ей на новый год открытку, где было всего одно предложение: «Как я тебя любил!!!» Она бы кинулась его разыскивать: встречаться, мучиться, беречь память, но непонятно было: гитарист сообщает открыткой о том, что любовь наконец прошла и он сожалеет об этом, или, наоборот, рад, освободился?

* * *

Прожили они с Володькой, а сколько лет прожили? Двадцать два? Да нет же, двадцать семь... Двадцать восемь! Она представила кучу отрывных настенных календарей: День парижской коммуны, День почтовых работников, День международной солидарности трудящихся... Одних только вторников больше полутора тысяч, и где их столько, одинаковых, набралось? А еще унылые четверги, ожидающие пьяных пятниц, когда Володька отправлялся с друзьями пить пиво...

Но было, конечно, и хорошее, запоминающееся. В последний год старой власти выиграли в лотерею холодильник. Решили деньгами взять, в Сочи поехать, но тут этой старой власти не стало, а с новой за дела старой не станешь спрашивать. На поездку в Сочи взяли в долг – какие-то большие тысячи, всё переживали, что не расплатятся никогда, но помогла инфляция, рассчитала их с ошалевшими кредиторами в полмесяца... В это примерно время Володька попал на защиту демократии в Москве, в августе стоял две ночи на баррикадах у Белого дома. А получилось так: его взяли на работу на какой-то новый завод, который возник на руинах старого, и зачем-то послали в Москву – то ли экономические бумаги выправлять, то ли их подделывать. Он еще не успел доехать до столицы, как новый завод прогорел, и Володька, дожидаясь обратного поезда, болтался по улицам Москвы – и, естественно, попал на революцию. Рассказывал сначала, что всё прошло весело, какие там замечательные собрались ребята, какие стихи прямо во

время революции сложили поэты, какие замечательные девушки помогали революционерам... А потом время прошло, и он ничего не стал рассказывать про это.

Потом как-то Володька бросал пить и сухим продержался полтора года, его даже мастером цеха поставили, но потом завод закрылся, его продали под снос, рабочих уволили, и Володька продолжил пить. А тут приспела новая зараза – карточные домики...

Она шла не торопясь, после выпитого вина приятно кружилась голова, и казалось, что всё еще наладится в жизни. Да, собственно, оно все налажено, только чуть-чуть подправить надо – там причесать, там постричь, там промолчать, там поплакать тихонечко в подушку – и всё станет по-другому...

Если бы она шла быстрее, то сумела бы перехватить Володьку, который как раз в это время с дружками вытаскивал тот самый комод, о котором сегодня вспомнила Динка. Комод этот, они, конечно, далеко не утащили, а загнали прямо во дворе: аптекарша с пятого этажа прикупила комодец – нынче все старинное в ход пошло. Володька с Динкой тоже на пятом жили, но в другом подъезде. Поэтому ребята еще и подзаработали малехо, подрядившись тащить комод в квартиру аптекарши.

Дружки отправились пить, а Володька сделал пару глотков и – в карточный домик.

В домике кругом зеркала, пока идешь к кассе разменивать деньги, отразишься в этих зеркалах сто раз, даже больше. Как будто в кино тебя показывают, как ты шагаешь, а в кармане у тебя сто тыщ, и через минуту хапнешь еще сто, и окружают тебя завидующие джентльмены и нетерпеливые красавицы с сигаретами в мундштуках, похожих на школьные указки.

В домике тебя встречают как родного, как будто ты не в джинсах, а в смокинге, кричат навстречу:

- Делайте ваши ставки...
- Играйте на максимальную ставку!
- Джек-пот сегодня – сто миллионов, выиграйте сто миллионов!

Но сегодня не увидел Володька истинного радушия в глазах челяди карточного домика, а увидел затаенную тоску. Электрические выигрывательные колеса вращались, поглощали деньги; скользили официанты, разносившие бесплатную водку – утешительную; загадочно улыбались женщины, – всё было как всегда, но как будто больше стало обреченности в этих сверкающих залах, и как будто совсем пропала надежда, которая прежде сидела иногда неподалеку от бара за шатким, залитым вином столиком.

- Что случилось? – встревожился Володька. – Свиной грипп?..
- Хуже. Закрывают нас, – хмуро обронил некто, облаченный в золотую ливрею.

Или позолоченную, но все равно красивую.

Володька поначалу не придал значения этому сообщению: ну, подумаешь, закрывают одно казино, так их ведь без счета – на каждом углу.

– Не унывай! – сказал он ливрееносцу. – Я комод сегодня продал, старинную вещь, и то держусь молодцом. Только перед Динкой неудобно немного...

– Ты, наверное, не понял, – ответил некто в ливреях, – все казино закрываются. Не будет больше рулеток, не будет покера, не будет одноруких бандитов. Вот твоя Динка-то обрадуется!..

Володьку как громом ударило: а куда же денутся деньги, которыми набиты игровые автоматы? Он подумал даже, что деньги эти теперь будут розданы всем, кто годами тащил сюда свои кровные, но поразмышлял чуток и понял, что такого никогда не было и, наверное, не будет.

– Как же теперь быть? – растерянно спросил Володька. – Дело не в деньгах, дело в возможностях. У игрового автомата мы все равны, у зеленого стола мы как близнецы, нам всем по плечу поставить на кон последний рубль и проиграть. Мы все здесь каждый день в бою, и отступать нам всегда некуда – на нас смотрит Россия! Мы давно ни во что не верим, и только здесь нам мерещится новый свет. Я видел проигравшихся в пух и прах миллионеров и разбогатевших вмиг голодранцев. Нигде счастье не бывает ближе всего к катастрофе, чем здесь. Мы привыкаем ежедневно ходить по краю бездны, над самой бездной, и удивляться, как прочен волосок, который нас удерживает от падения. И даже когда мы срываемся, то успеваем крикнуть: «зеро!» За мгновение до гибели мы верим, что следующая ставка была бы счастливой. Шарик рулетки так мал, и столь много вмещает! Астрономы ищут черные дыры на краю вселенной, а они здесь – катаются по замкнутому кругу – от надежды до надежды...

– Не убивайся так, – принялся утешать его служитель казино, сам несчастный. – Может, оно еще и к лучшему обернется? Кончится игра, начнется жизнь?..

– Ничего уже не начнется, видишь, отыгаться времени не дают. Может, как раз завтра я и сорвал бы главный куш своей жизни?..

– Но ведь сегодня есть еще время, вдруг сегодня грянет удача? – спросил несчастный служитель.

Володька только рукой махнул, но к автомату подошел. Он чаще всего играл на этой умной, но уже несколько подержанной машине, в которой должны были сойтись не только семерки, вишенки и грудастые красавицы, но и сверкающие космические звезды; тогда машина должна была сыграть многоголосый марш и выдать выигрыш, равный бюджету иной державы.

Завертели колеса и комодные денежки, притянутые золотым вращением, журавлиным косяком потянулись внутрь машины.

За полчаса он проиграл все.

Не повезло и другим игрокам, пришедшим проститься с казино. Они тоже проиграли. Проиграли все.

Многие, опустив плечи, потянулись прочь из заведения. В конце концов осталось человек пять, Володька, само собой, тоже.

Больше всех горевал человек в черном костюме с бабочкой; о таком костюме очень мечтал Володька. Человек оказался хозяином заведения, и он сказал речь.

– Дамы и господа! – произнес он проникновенно. – Сегодня мы с вами прощаемся. Больше не будет вращаться эта рулетка, совершенное творение человеческой мысли, хотя если задуматься, то может оказаться, и не человеческой совсем. Не будут сдаваться карты в покере, «блэк-джеке», слоты не станут радовать вас возможностью в любую минуту сорвать джек-пот... Но я скажу вам, друзья, азарт человеческий непобедим! Непобедим! Как не убита в каждом из нас надежда на чудо, я сказал бы даже – вера в чудо. Нет, не грубый материализм, не сухие цифры властвовали здесь, а живая мечта!..

– Мечта... Мечта... – эхом пронеслось по залам это слово.

– Мы не рабы денег, а романтики...

– Романтики... – опять поднялось эхо.

Кто-то смахнул со щеки скупую мужскую слезу, кто-то прижег горе рюмочкой злой водочки, у кого-то душа ухнула в холодную бездну: чем теперь утешаться? Одной только водкой и бабской жалостью?

– А сейчас, друзья, – еще проникновеннее произнес хозяин казино, – мы хотим сделать подарки вам, последним и самым верным нашим посетителям, да что там – настоящим завсегдатаям, каждый из вас получит по игровому автомату.

– По настоящему игровому автомату! – закричал хозяин в микрофон. – Никто не может вам запретить предаваться любимому занятию наедине с самим собой... Теперь вы можете обрадовать своих родных: всё, что вы проиграете, останется в ваших домах...

– Так ведь в каждом аппарате набито по миллиарду, не меньше! – прошептал счастливый Володька. – Просто царский подарок, а Динка всё время твердила, что в казине один обман и больше ничего нет. Ошиблась Динка, вот оно что! Бабы – что они понимают в мужских делах?

* * *

Если бы Динка в тот вечер поспешала домой, а не распивала вина в кафе, может, всё еще бы сложилось в их с Володькой жизни, не рухнула бы эта самая жизнь с высокого яра, не завязалась бы нераспутывательным змеиным клубком. В общем, когда Динка добралась до двери своей двухкомнатной квартирki (комнаты проходные, вагончиком, но площадь внушительная – вместе с кухней 26 квадратных метров, не шутка), на месте комода уже стоял одорукий бандит, и даже штепсель его иноземный был включен в электрическую розетку.

Увиденное так потрясло женщину, что она на минуту потеряла дар речи. Потом тихо, почти шепотом, спросила:

– Что это?

Этот доселе неслыханный от Динки шепот в свою очередь потряс Володьку. И он не придумал ничего лучше, чем спросить у нее:

– У тебя сотенка не завалилась? Для первой ставки? А?..

– Сволочь!.. Га-ди-на-а-а-а-а!.. – наконец, у нее прорвался крик. – Вот же пракудина!..

«Пракудину» она ввернула первый раз и вряд ли сумела бы объяснить, кто она такая, эта «пракудина». Или кто такой?

– Попалась же мне в жизни такая мразь, ни обойти ее, ни объехать, за что, Господи?

Когда она доходила до Господа, то обычно сбавляла газу. В этот раз тоже громкость в этом месте пошла на спад:

– Лучше бы ты пил! Жрал бы себе бормотуху, дешевле бы обходилось...

– Я могу и бормотуху, – сумел вставить слово Володька.

Лучше бы не вставлял, потому что голос Динки опять набрал силы:

– Насильник!.. Надо было тебя в тюрьму упечь тогда!

Однако, судя по всему, гроза уже уходила, раз она о приятном вспомнила, подумал Володька.

– Если бы ты меня не изнасиловал тогда, я могла бы выйти за порядочного человека! – совсем почти мирно произнесла Динка.

Двадцать восемь лет лежала на нем эта вина, и двадцать восемь лет он отвечал одинаково:

- Ты меня сама позвала!..
- Ты бредишь?
- А потом стонала как!..
- Была бы охота стонать!..
- Еще как стонала!..

И внезапно для самой себя она достала из сумочки кошелек и протянула Володке купюру – полусотку. Не стала даже спрашивать, откуда в квартире взялся этот электрический грабитель, ну появился и появился – какой только дряни не притаскивают мужья, хорошо, что хоть мотоцикл не прикатил или не на бронетранспортере приехал прямо в сени. Другие-то вон чего творят! Сосед Мишка привел в дом девицу, сказал жене, что это его сестра, пропавшая тридцать лет назад, а теперь чудесно обретенная. Шел он со смены и около скобяного магазина встретил ее. Вот, а говорят, что так только в телевизоре бывает!.. Мишкина жена, дура, поверила, постелила ей на диване, а посреди ночи проснулась и стала думать: сестра пропала тридцать лет назад, а на вид ей не больше двадцати. Мишкина жена толкнула локтем Мишку и потихонечку спросила у него:

– Сестренке твоей сколько годков было, когда она пропала? Небось большенькая уже?

Мишка зарычал спросонья, такая у него привычка была, и ответил:

- Большенькая, от второго мужа сбежала, егоза!..
- Так ей должно быть теперь за пятьдесят?..
- Ну конечно!.. – и Мишка окончательно проснулся от мощного пинка любящей супруги.

– А ты кого в дом привел, гад? – спросила она.

– Наверное, обознался, – честно признался Мишка. – С кем не бывает?..

А другой сосед – Петро Мокроус – решил открыть сувенирную лавку, изготавливать, находить для любителей и продавать всякие там статуэтки, бюстики, значки, старинные книги и газеты, открытки с видами несуществующих городов. Решил открыть – и вскорости открыл, правда, помещение для лавки пока не снял – дороговато, пока расторгнется, то да се, – а разместил магазинчик у себя на дому. Как прослышал народ, что он всякий хлам будет скупать, весь город пошел к нему в дом. Оказалось, что хлама у людей больше, чем не хлама. Одних собраний сочинений Иванова (конечно, того самого) притащили восемьдесят три. Бюстов Сеченова (или похожего на него) – тридцать четыре, пожелтевших газетных подшивок с ятями – без счету, а битых, гнутых самоваров, похожих на панцири псов-рыцарей после ледового побоища, принесли столько, что они не поместились в доме, лежали вокруг курганами, и чудилось, что из-под этих гор сейчас начнет выбираться сам магистр этого самоварного ордена, а за ним и копейщики, лучники, оруженосцы.

Жена Мокроуса была вынуждена уехать с детьми к маме. А продать так ничего и не вышло; в городе люди умирали от смеха, прослышав, что он собирается продавать собранный хлам. Почти утиль.

«Мужики – они что малые дети, они без цацек не могут, – размышляла Динка. – Теперь-то на дому будет эта самая хреновина, может, деньги-то в доме и останутся? А как же иначе? Ведь проигрывать станешь самому себе?..»

Володька сделал ставку – на всю полусотку.

Сказал:

– А чего мелочиться?

Закрутились колеса, заклацала какая-то музыка и выстроились в ряд пять вишенок.

– Что там, что? – нетерпеливо спросила Динка. – Выиграл?

– Есть немного, – побоялся спугнуть удачу Володька.

– Так бери их скорей! – не понимала она самой сути игры, в которой главным была сама игра. Не ее результат.

– погоди! – отмахнулся Володька. – Кажись, пруха!..

Он опять запустил колеса, и выстроилось пять апельсинов.

– Пять сотен! – в голосе Володьки прозвучало удивление.

– Бери! – десятикратное умножение исходной суммы для Динки было в первую очередь сигналом к тому, что повезти может раз-другой, от силы – третий, а потом – суп с котом.

– Постой! – завелся Володька и опять нажал на кнопку автомата.

Динка зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела, что в окошечках игровой машины выстроились пять золотых пирамидок.

– Что? – ее даже затрясло.

– Десять тысяч! – еле разомкнул губы Володька.

Динка от волнения даже промолчала. Потерла руки и как бы ощутила шершавость денег. Ей нравились новые купюры, хрустящие, аппетитные, но старые, належавшиеся в карманах, кошельках, копилках – потертые, шершавые, тертые жизнью, она, наверное, боготворила.

Их у нее никогда не было столько, чтобы боготворить. Те купюрки, которые ей доставались, мелкие, с загнутыми углами, надорванные, заклеенные, не заслуживали даже простого уважения.

А десять тысяч вполне можно любить. Взвесить на руке, аккуратно сложить – сотенка к сотенке, – перехватить аптекарской резиночкой и положить в шкатулку, а саму шкатулку завернуть в старый кашемировый платок (почему все кашемировые платки состарились?) и положить в комод... В какой комод? Ведь его, больного, Володька проиграл вот этому же автомату...

Ей не понравилось воспоминание, и она быстро вернулась к воображаемой пачке сотенных. Три или даже четыре таких бумажки легко можно потратить на хороший ужин... свечи, вино... Не портвейн столовый, а Мерло, а можно и по капельке бренди.

И тут Володька опять – зачем, зачем, зачем? – нажал на кнопку автомата, и снова включились колеса, завертелась безумная надежда в глазах непутевого мужа.

У Динки упало сердце, колеса еще не остановились, а она уже знала: никаких свечей ей сегодня не зажигать.

Колеса наконец перестали вертеться, и автомат заговорил на человеческом языке и по-английски пожелал удачи. Динка поняла, что удачи желают всем, кто проигрывает.

Но она спросила:

– А вдруг?

– Пролетели мы, Динка, – скривился в улыбке Володька.

Динка подняла руки и уронила их, как будто хотела что-то взять у себя над головой, а там ничего не оказалось.

– Да не убивайся ты! – опять попытался улыбнуться он. – Реальных-то денег мы проиграли всего ничего – полусотку.

Он достал из кармана потрепанную записную книжку – ту самую – и записал число, время и год очередного проигрыша. На всякую случайку.

Динка смотрела на него будто через залитое дождем оконное стекло, он растекался, расплзался по всему стеклу, и никак было не разглядеть его. Никак.

– Дина, не расстраивайся! Не бери в голову, ведь это типа шутка такая была.

– Шутка? – не поняла она.

– Ну да, шутка. Ты что, всерьез подумала, что в казино мне подарили автомат, набитый деньгами? Он пуст, как барабан! А свою полусотку, думаю, сейчас я вытащу...

– Сволочь! – заплакала Динка. – Какие же вы все сволочи!..

– Я-то причем?

– Ты всегда ни при чем. С той самой ночи, когда меня изнасиловал!..

– Да не насиловал я тебя, не насиловал, нечего тут придумывать!

– Насиловал, еще как насиловал! Паразит! Измывался!

– Достану сейчас твою полусотку, не ори! – сказал Володька и принялся отодвигать автомат от стены.

По его мнению, все секреты автомата должны находиться у него именно сзади, подальше от посторонних глаз.

Действительно, там была пропасть всяких кнопочек, лампочек, окошечек, регуляторов. Светились электронные часы, которые должны показывать и дату, и день недели, и год. Должны были, но не показывали: на табло не было ни цифирки, ни буквочки.

«Странно, – подумал Володька, – можно подумать, что мне кто-то предлагает самому выставить время? Постой, постой!.. Я могу выставить любую дату в будущем и любую в прошлом...»

Володька наобум крутанул несколько регуляторов, на табло выставилась дата – сегодняшний день, автомат отозвался густым гудением, и тут же из монетоприемника выползла купюра – полусотка, которая, казалось, хранила еще тепло володькиных рук.

Он не удивился. И наконец понял, для чего вел запись своих проигрышей, да что там – всей своей жизни, которая уместилась в одной записной книжке. Значит, стоит только установить на этом агрегате дату своего давнишнего проигрыша, и автомат вернет деньги? Может ли такое быть? Выходит, все-таки судьба человеку заранее написана? На каком-нибудь электрическом заводе?

Не удивилась и Динка: давно пора этому электронному обдирале возвращать награбленное, хотя бы не всё, а, допустим, половина на половину. Новую мебель бы взяли... Она вспомнила о комодке, погрустнела. Теперь таких не делают; утрачены секреты комодного мастерства. Такую вещь продал, сволочь! Игрочишка! Некрасов несчастный!

А Володька тем временем, а чего тянуть кота за хвост, принялся листать свою потрепанную записную книжку: ну, Динка, подставляй карманы!

Так, что у нас в самом начале? «18.06.19...» Что за дата такая, в те поры казино в свободном разливе, кажись, не было?.. Вот болван, ведь это день рождения для чего-то записан. Для чего? Чтобы не забыть?.. Странно... Но уж если записано, пусть останется...

А это что? «21.05... рванул с урока английского, получил по фейсу, Кот – собака!» Пятый месяц – май... Май, май...

* * *

И ему вспомнился майский солнечный денек, когда он спрятал портфель с учебниками-тетрадками в стоявшей во дворе их дома пустой ржавой бочке и отправился гулять с барышней из параллельного класса, у которой на володькин счастье заболела учительница по математике.

Они вышли на Чагано-набережную, заросшую тополями, вязами, тальником. Всё вокруг цвело и благоухало, и не было в городе лучшего места для поцелуев. Барышня из параллельного класса изо всех сил уклонялась от него, но как-то так выходило, что, уклоняясь, она как раз и оказывалась в объятьях Володьки. И надо сказать, целовалась она замечательно, да и кто весной целуется плохо? Он выбрал для нее самую пышную ветку сирени, и она пыталась найти на ней цветок с пятью лепестками. Известно, если цветок этот съесть, то будешь счастливым на всю жизнь.

И тут появился Кот, он был главный у чаганской шпаны. Как всегда, за ним тащились Батон и Шакал, телохранители хреновы. Троица эта верховодила в шайке босарвоты, как говорили тогда – держала мазу в этих краях, проходу от них никому не было. Они и на Бокаушина задирались, но как бы не всерьез – словечки похабные отпускали вслед, презрительно сплевывали себе под ноги при виде Володьки, но генеральной драки пока избегали – всё-таки у Володьки кулаки были железные, и шпана знала об этом. Бокаушин тоже принадлежал к «чаганским», но особо дружбу с местными не водил, был сам по себе – и это злило ребят. Давным-давно повелось здесь, что мальчишки сбивались в стаи – кызылтанские, куренские, мясокомбинатские, затонские... Шайки страшно враждовали между собой, хотя повода особого не было – враждовали, и всё тут! Чтобы слыть самой отчаянной, самой многочисленной, самой страшной. Находиться вне стаи было вызовом, и поэтому одиночек ненавидели больше всего.

Бокаушин давно бы набил Коту морду – просто так, чтоб тот знал, собака, кому вслед зубоскалить, – но тот один в город не выходил, а на территории чаганских стоило Коту свистнуть, как из-за каждого забора и плетня вылезли бы его кореша, и тогда только ноги уноси.

И вот Володька оказался во владениях чаганских, так неразумная барышня захотела: ах, там сирень какая густая, ах, там какой аромат! А можно было то опасное место обойти по Пролетарской, там тоже полно сирени. Но барышня заупрямилась: на Чагано-набережную, и точка!

Кот увидел его, да еще с подружкой, обрадовался, аж в ладошки заколотил.

Закричал:

– Шакал, шумни-ка пацанов, а мы пока с этим шкафом потолкуем... И с чувихой его покалякаем.

– Беги! – сказал Володька негромко барышне.

И той два раза повторять не пришлось – она хорошо знала местные нравы. Она сняла белые лодочки и бросилась бежать. Но, как показалось Володьке, не так проворно, как могла. Должно быть, не хотела выказать свой страх.

– Держи ее! – закричал Кот.

Но ноги у нее всё-таки были резвые, и она в пять минут оказалась у автобусной остановки на Коммунистической. И, конечно, ушла бы она благополучно, но на

остановке в этот утренний час не было ни души – должно быть, как раз случилась пересменка. Ей бы пройти еще квартал-другой, но она посчитала себя в безопасности. Но напрасно. И не заметила, как из-за старого понтона, ржавеющего на берегу, вышли двое – в кепочках-восьмиклинках, руки в карманах, в уголках губ тлеющие папиросы.

Володька крикнул:

– Берегись, Настена!

Да, ее звали Настеной.

Но владельцы кепочек уже подхватили ее под руки и поднесли к самому понтону. Об этом ржавом понтоне рассказывали всякое. Кто-то уверял, что здесь воровская малина, и милиция не раз пыталась накрыть блатных, но каждый раз заставляла только чадающие керосиновые лампы – «летучие мыши», пустые бутылки из-под белого крепкого, замусоленные карты. Кто-то говорил шепотом, что понтон прикрывает вход в секретную лабораторию, где проводят опыты по созданию искусственного хлеба, причем из такого сырья, о котором даже вслух говорить противно. Но большинство даже слушать об этом понтоне не хотели – бомжатник, чего об нем слушать? Давно пора его в утиль утащить.

Тем временем шпана окружила и Володьку; на подмогу к Коту примчались с десяток чаганских урлаганов.

– Володя! – жалобно закричала барышня.

Он кинулся к ней, но рухнул, налетев на подставленную ногу. И тут на него навалились. Он извернулся, сумел подняться, даже попал кулаком кому-то в челюсть, но силы были не равны, урлаганы повисли на нем, как обезьяны, прижали его к ржавому борту понтона.

– Падлы! – рычал Володька. – Попадете по одному!..

Кот ударил его под дых, хохотнул:

– Пока попался ты!.. И с чего ты решил, что уйдешь отсюда живой? Затащим в понтон и порежем на шнурки... Ребя, открывай люк!

– А чувиха твоя с нами останется, на хор ее поставим... Мы девушек любим, – добавил, сладко улыбаясь, Шакал. – Скажи, Батон?..

– Само собой, – ответил Батон и принялся шарить на груди барышни из параллельного класса.

Та вскрикнула и стала вырываться. Тонкая ткань ее кофточки затрещала, посыпались к ногам пуговицы.

Кот оттолкнул Батона: «Я же сказал, с девушкой руки не распускать!..»

– А что, она недотрога? Да? – захохотал Батон.

– Я же сказал: убери лапы! – рассвирепел Кот.

Батон нехотя отпустил Настену, набросился на Володьку:

– А ты чего глазками сверкаешь, фраер тряпочный? Ишь какую девку выгуливаешь... Но сегодня ты последним будешь, – сказал он. – Предупреди ребят, чтобы за тобой не занимали.

И он расплылся в улыбке, как параша.

– Ну погоди, сучара! – опять рванулся к нему Володька.

Шпана держала его крепко.

– Не дергайся, – сказал Кот. – Девочка, конечно, хорошая, жалко ее, но сидеть за нее никакой охоты нет. Как думаешь, Вова?

– Отпусти ее! – предложил Володька. – У меня деньги есть...

– Откупиться хочешь, да? – вкрадчиво спросил Кот. – И во сколько же ты ее оцениваешь?

– Десятка есть у меня...

Кот захохотал:

– Слышишь, подружка, за тебя десятку предлагают. Литр без закуски! Щедрый у тебя кавалер. Где ты такого нашла, Устя?..

– Нет у меня больше! Подонки! – сказал Бокаушин, а подумал другое: откуда Кот знает, что ее так иногда зовут дома – бабушка, отец?

– Володя, прекрати этот торг! – закричала Настена.

– Я видел, как он на новеньком велосипеде гонял, – сказал Шакал. – Вот пусть пригонит велик, а мы полчаса подождем с девушкой... Пригонит – отпустим чувиху...

– А что, правильно! – согласился Кот и ухмыльнулся. – Давай велосипед! Чтоб через полчаса был здесь!..

Он резко оттолкнул Володьку, добавил:

– К мусорам, наверное, не пойдешь...

Он потянулся, произнес мечтательно:

– Давно на велике не катался!.. Иди, не тяни время... А то хуже будет.

Настена крикнула:

– Не ходи никуда! Не вздумай!..

– Поторопись! – угрожающе сказал Шакал. – Скоро стемнеет... Не мы, так комары у девчонки всю кровь выпьют. Не жидись, фраерок, велосипеды – дело наживное.

Настена всхлипнула, бросила себе под ноги свои белые лодочки, закрыла лицо руками, и так стояла у кромки воды:

– Дураки! Настоящие дураки...

– Чего топчешься, кавалер, – сказал Батон, – иди, пока ветер без сучков. Девушка ждет!..

– Не ходи... – уверенности в ней становилось все меньше.

И Володька пошел.

– Ничего они с ней не сделают! – уговаривал он себя, шагая к остановке. – Кишка у чаганских тонка...

На самом деле, пока таких дел за ними не водилось. Ну, там киоск подломить, утащить пять плиток шоколада, да водки пару литров, угнать мопед – это бывало, но чтобы брать девчонок в заложницы – такого не случалось.

– Сопли еще не обсохли у них! – говорил сам себе Володька, но прибавлял шагу, потому что всё тревожнее становилось у него на душе.

«Сейчас к Витьке подамся, – размышлял он, – ребят знакомых соберем... Настучим по сопливым мордасам!» Но он уже понимал, что придется отдать шпане велосипед. Всё прошлое лето вкалывал он на асфальтовом заводе, чтобы заработать на этот велогон – «Турист», гоночный, с никелированными ободами. Так мечтал он об этом маштаке!.. Фиг им, а не велосипед!

Но он представил Настену в окружении шпаны и прибавил ходу.

Но, конечно же, сработал закон подлости – Витьку вызвали на работу, какая-то там авария. Володька бросился к ребятам из офицерских барачков, но почти все с утра подались на рыбалку. Но самое главное – на его «Туристе» угнал в Дарьинск Федул-губы-надул, двоюродный брательник. Володька разрешал ему

брать велосипед раз в неделю; жена брательника подалась перед родами к матери в село, и Федул мотался туда почти каждый день – то на попутке, то на автобусе, то брал велосипед.

На секунду Володька даже испытал нечто, похожее на удовлетворение: ну вот, велосипед останется у него! Но тут же вспомнил о барышне, что будет с ней? Ничего хорошего...

С барышней из параллельного класса он закрутил махабат (по-казахски «любовь») в отместку Динке, которая заглядывалась на очкастого чурбана с гитарой. Барышня была длиннонога, носила мини, а ко всему прочему была еще и умна, знала, кто такой Эжен Ионеску, и не делала ошибок в слове «экзистенциализм». Первый день Володьке было с ней интересно, на второй день он даже гордился ею, когда она на чистом английском языке подпевала чурбану «иелоу субмарин...», на третий он готов был ее задушить, когда она стала рассказывать, сколько вилок у них дома подают к обеду. Он бы не стал тратить на нее время, но пацаны все как один завидовали ему; на танцах ее приглашали наперебой, но когда объявляли «белый танец», она звала только Володьку. «Какая девчонка за тобой, дуралеем, бегаешь!», – говорила ему мать, но он днем и ночью думал о Динке, ну почему он думал о ней?

А Динка тогда вела себя так, как будто Володьки вообще рядом не было. Если брала сигарету, то тянулась с ней к зажигалке чурбана, даже если Володька был ближе, в автобусе она всегда садилась рядом с очкариком, в кино она тоже всегда оказывалась подле этого горе-барда. Время от времени он сочинял песни – про байдарки, горы и нежных девушек, так она первая подхватывала песню, даже если она была никакущая, эта песня, и разносила ее по всему городу, как грипп; что-нибудь типа «Идем на рассвет, придем на закат...»

Володька говорил, что таких песен может написать за вечер дюжину, но Динка в ответ напевала: «Костер догорает, как жизнь догорит...»

Вот почему Володька с барышней из параллельного класса в отчаянье стал бродить по малолюдным улочкам: Чагано-набережной, Вальково-набережной, Буянной и Яикской – от неразделенной любви, от бурлящей весенней крови.

Но любовь любовью, а нужно было выручать Настену. Но как? Он забежал к тете Напие, она нередко ссужала дворовых ребят пятеркой, трешницей, а когда денег не было – поила чаем. В этот раз был именно такой случай, тетя Напия стала потчевать его чаем.

– Спасибо! – сказал Володька. – Мне некогда.

Больше идти было некуда. Оставалась призрачная надежда на копилку – глиняного кота с щербатым носом, в которую время от времени Володькина мать бросала мелочь, каждый раз удивляясь, что копилка не тяжелеет. Как она будет тяжелеть, если Володька давно уже научился с помощью стальной линейки добывать из кота полтинники, двугривенные, а когда повезет, то и рубли?

Он взвесил на руке глиняного зверя: вообще-то увесистый кот. Орудовать линейкой было некогда, поэтому он растелил на столе газету и одним ударом молотка разбил копилку вдребезги. Жалко животное, хоть оно и глиняное.

Он собрал деньги, меньше десяти, с такими деньгами вряд ли выкупишь барышню. Он посмотрел на часы: время, отпущенное шпаной, истекало, вот уже истекло.

«Да ничего они ей не сделают!» – уговаривал он самого себя, для чего-то перелистывая учебник по тригонометрии; когда-то между шестнадцатой и

семнадцатой страницами он ныкал деньги на велосипед – лучшей копилки в доме не найдешь: тригонометрию ненавидела вся володькина семья. Но сейчас там ничего не было, кроме котангенсов, синусов, косинусов – всей ненужной для жизни чепухи.

Он для чего-то взял и учебник по литературе, в нем жили Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой и немного Леся Украинка и Якуб Колос. Денег там не было никогда, и он, конечно же, знал это.

– Сволочная шпана! – бормотал он. – Козлы вонючие!.. Пусть хоть пальцем тронут Настену! Тогда узнают!..

И уже пора ему было идти на Чагано-набережную – бежать, мчаться, лететь на помощь барышне, а по-доброму – так и уходить никуда не надо было, а драться-корябаться из последних сил – хоть до крови, хоть до смерти! А он ушел, просто удрал, уговорил себя, что принесет сюда какой-то выкуп... Нужен шпане выкуп, как зайцу пятая нога!..

Он бросил учебник с писателями, чуть не поголовно бородатыми, и бросился к Чагано-набережной. Пока бежал до понтона, все еще доказывал себе, что Настене блатные недоросли не посмеют сделать ничего плохого. Напугают, конечно, что тоже не очень хорошо, но во всем остальном... во всем остальном...

Ни в понтоне, ни рядом никого не было. Только валялась у самой воды ветка сирени.

– Настена! – крикнул он. – Ты здесь?..

В ответ что-то плеснулось в воде, должно быть, карась.

– Настена...

И тут ему стало страшно. Что случилось с барышней, где она?.. Куда бежать, у кого спрашивать? В милицию? А, может, Настена давно сидит дома и учит английский: a table, a girl, a boy?.. И о чем он поведает в милиции? Что оставил девушку на милость шпаны, а сам пошел с копилкой разбираться? А может, сперва пойти домой к барышне?.. Он представил, какая буча поднимется, если она еще не вернулась домой... А она, вполне возможно, сидит с подругой в кино...

А может, ничего и делать не нужно, всё само собой утрясется?.. Ведь он, Володька, в общем, ни в чем не виноват. Что он мог сделать один против целой кодлы?

Он обошел всю Чагано-набережную, улицу не короткую, в надежде встретить опять Кота и его воинство, но улица была пуста. В отчаянье он попытался было расспрашивать редких прохожих: не видели красивую девушку в светлом таком платье, в туфельках-лодочках?

Прохожие шарахались от него, брали маленьких детей на руки, крепче сжимали в руках сумки.

– Не видели в светлом поплине?..

– Таковую красивую...

Время шло, минуты ощутимо бились в часах, как будто просились наружу.

Дело шло к вечеру, когда его окликнула учительница по истории – историчка. Надежда Павловна.

– Ты, наверное, Настену ищешь? – участливо спросила она.

Сердце Володьки оторвалось и полетело куда-то вниз. Ниже низа.

– Она по Почиталинской пошла, минут пять назад я видела ее...

До Володьки не сразу дошел смысл сказанного.

– По Почиталинской? – переспросил он.

– Да, по ней самой. Наверное, в библиотеку пошла, экзамены на носу. Тебе тоже не помешало бы освежить французскую революцию... Ты ведь, кажется, схлопотал пару за восемнадцатое брюмера?

– Схлопотал, – сказал Володька, – но я освежу...

И он поплелся в библиотеку. Настены там не было. У ее подружки – Лельки – ее тоже не было. Сама подружка стирала и была зла на весь свет, а больше всего на Настену.

– Откуда я знаю, где ее носит? – закричала она. – Если бы ты не приперся, то и про тебя бы ничего не знала...

В общем, нехороший денек сложился у Володьки. Надо было не оставлять ее со шпаной, а он оставил, надо было пойти к ней домой, но он не пошел, испугавшись родителей, разговоров, разборок... В общем, завалился спать, укрылся с головой душным шерстяным одеялом, зажмурил глаза, но так и не уснул до самого утра.

Настена утром в школу не пришла.

«Бывает, она на первый урок опаздывает, – уныло надеялся Володька. – Сейчас небось кофе пьет, а я всю ночь глаз не сомкнул...»

Историчка вызвала его к доске, вежливо (ведь уверена была в том, что он ничего не учил, ничего не освежал, значит «валила» его прицельно) предложила ему поделиться своими знаниями о Великой французской революции, в частности о первом консуле республики.

– Наполеон вообще-то был корсиканец, – сообщил Володька.

– Это как-то повлияло на ход революции? – спросила Надежда Павловна. – Ты думаешь, что пресловутая шестая графа грозила немедленной реставрацией?

– Ничего я не думаю, – пробурчал он.

– Трудно тебе придется на экзаменах, – пообещала она ему. – Садись, двойка...

На первой же перемене он отправился в параллельный класс.

– Настена не приходила? – спросил он у Лельки, подружки.

Та улыбнулась таинственно. Всё знает, но всё не расскажет, как истинно посвященная. Дура!

– Похоже, ты ее еще вчера потерял? – сказала она. – От ворот поворот получил наконец?

– Ты ее видела сегодня? – спросил он, пропустив мимо ушей ее колкость.

– И вчера видела. Мы с мальчишками из пятой школы в «Зарю» ходили, «Анжелику и король» смотрели...

«Врет, дудорга», – понял он. «Заря» второй месяц была на ремонте.

А Лелька не могла остановиться:

– Вот какие бывают мужчины, как в этом кино...

– Ну да, – не стал спорить с ней Володька. – В завитых париках, напомаженные...

– Зато культурные... Дарят своим возлюбленным бриллианты и сапфиры... замки и дворцы... А про тебя Настена даже слышать не хочет, насолил ты ей, видать, мощнячки, – Володька понял, что дудорга ни в какие подробности не посвящена, и у него отлегло от сердца.

«Ну, гаденьш, Кот, встретимся еще на узкой дорожке!» – пообещал он неопределенно.

– А чего она в школу не пришла? – всё-таки спросил он.

– Говорит, горло прибаливает, вчера мальчишки нас мороженым от души угощали... В кафе «Звездочка» сидели, пару бутылок «Варны» выпили!..

– Не спейтесь! – почти совсем успокоился Володька. – И с мороженым осторожнее, не получите катар верхних дыхательных путей... А может быть, и души отморозите, коли мороженое у мальчишек «от души»...

– Ревнуешь! Ревнуешь! Ревнуешь! – протрещала Лелька и ушла в свой параллельный класс учить химию.

Назавтра Настена опять не пришла в школу. В этот день как раз была контрольная по физике, а потом всем классом переписывали вопросы для экзамена по английскому языку. Кто этот язык придумал: инфинитивы, транскрипции, совершенные времена?.. Разве не все времена совершенные, даже будущие? Будущие особенно? С английским у Володьки был полный завал...

Короче, только на четвертый день, нет, даже на пятый, пошел он к Настене, долго решался перед дверью: нажать на кнопку звонка или прийти завтра, или послезавтра, или навсегда забыть свой позор? Наконец он справился с нерешительностью, но звонок за дверью еле проблеял.

Дверь распахнулась, и бабушка Настены встала на пороге.

– Ты звонишь, как интеллигент из тридцать седьмого года, – сказала она. – Я кое-как расслышала... Что ж ты вчера-позавчера не заходил, к экзаменам, что ль, готовишься? Слышала, что ты на золотую медаль идешь?..

Это она так шутила, зная, что Володька в школе не самый главный отличник. «Если люди шутят, то у них все в порядке», – подумал Бокаушин, и спросил:

– Настена поправилась? После мороженого?..

Бабушка изумилась.

– Вчера, слава Богу, была здорова. А сегодня я ее не видела, так же, как и ты, Вова. Настена вчера уехала с родителями в Тамбов, и как я их не отговаривала – накануне выпускных экзаменов не пускаться в такую даль – меня не послушали...

– А когда они возвращаются? – ошалело спросил он, хотя все уже понял. – Когда назад?..

– Они на ПМЖ уехали, слышал такую аббревиатуру? На постоянное место жительства!.. Они давно собирались, а тут как из пушки их выстрелили... Мне не всё говорят, да мне всё знать и не надо, к чему?.. А обживутся чуток, и я к ним поеду... А ты заходи, Вова. Адресок тебе дам, когда пришлют...

Нет, Бокаушин не огорчился. Ну если только самую малость. Может быть, он расстроился бы больше: ну как же так, уехала и слова не обронила, вроде как презрением облила, но тут столько всего навалилось! И выпускные экзамены, и выпускной вечер, и тот памятный поход к Садовскому озеру, где у них с Динкой всё завертелось. Так что некогда было особенно расстраиваться, и он всё забыл. Ну начисто всё! Года три спустя он получил от Настены открытку, в которой она поздравляла его с днем рождения, так, к своему стыду, не сразу вспомнил, кто такая эта Настена. Тем более что на открытке она написала всего одно слово: «Поздравляю». И подпись. Конечно же, он быстро вспомнил, подумал: «Что же тогда на понтоне случилось? Почему шпана отпустила ее?..»

В игральном аппарате что-то потрескивало, время от времени щелкало и даже булькало, а потом что-то начинало тяжело вздыхать. Может быть, однорукий бандит предчувствовал, что придется расставаться с деньжками, или горевал оттого, что уже расстался с ними?

Володька заглянул в свою книжку и набрал на табло дату, когда он впервые продул аппарату весь аванс, а Динке сказал, что у него бабки в автобусе вытащили. Автомат затрещал и выбросил из себя тоненькую пачку денег.

Володька даже не удивился, поднял с полу купюры, протянул жене:

– С меня должок получи!..

В ту же секунды что-то неуловимое произошло в комнате – не то молния сверкнула, не то сосед взялся за свой перфоратор, не то произошло землетрясение единственное за всю историю степного города – Володька с Динкой зажмурились, а когда открыли глаза, то старинный комод стоял рядом с одноруким бандитом.

– Не может быть! – прошептала Динка.

Володька ей возразил:

– Всё может быть. На дивной земле живем... Этот аппарат не просто деньги возвращает, он переносит нас в тот день, когда я их проиграл. Уж не знаю, как у него это получается, может, столько он зла натворил, что не выдержала его кремневая совесть, и он обрел способность перебрасывать нас в тот день и тот час, когда наши деньги на самом деле были еще в автомате, и их пока не выгребли жадные руки хозяев казино.

Володька нашел в книжке очередную дату, и опять автомат вернул деньги. Вместе с деньгами вернулись в квартиру телевизор и магнитофон, а потом любимая подольская швейная машинка, а потом ковер, как уверяли – настоящий туркменский, но Володька всегда подозревал, что подделка.

Динка собирала деньги, сваливала в угол ценные вещи: ну, теперь заживем! Оказывается, бывает и от казино польза. Лавэ хранилось, как на сберкнижке. Жалко, конечно, что инфляция солидный кусок за эти годы откусила, но не бывает в жизни совсем уж без дерьма.

И вдруг, как бы помимо воли Володьки, руки его стали набирать на табло часов игрального аппарата почти забытую дату – сиреневый месяц май, берег речки по имени Чаган, старый заржавевший понтон. Разве в тот год он что-то проигрывал? Тогда никто слыхом не слыхивал о электрических бандитах. Или всё-таки он и тогда умудрился проиграть?

– Что это за число? – спросила Динка.

Он только махнул рукой, буркнул:

– В этот раз должно повезти больше...

И опять вспыхнула молния, или тряхнула подземная стихия. Они непроизвольно зажмурились, а когда Володька открыл глаза, то Настена ему сказала:

– Наверное, дождь будет.. Молнии так и польхают...

Он посмотрел наверх: там не было ни тучки, ни облачка.

* * *

– Пойдем по Пролетарской, – сказал Володька барышне из параллельного класса. – Там сирени даже больше, чем на Чагано-набережной.

– Конечно, по Пролетарской. Я вообще не люблю гулять на набережной, – сказала она, – там столько хулиганья!

Володька презрительно хмыкнул:

– Видел я эту шпану!..

А про себя подумал: хорошо, что свернули на Пролетарскую, с чаганскими лучше не связываться.

Он обнял Настену, но та вывернулась, и все-таки непостижимым образом ее губы оказались у губ Бокаушина.

– Говорят, что ты за Динкой ухлестываешь? – спросила она.

– Еще чего! – сказал он высокомерно. – Может, она за мной?

Он знал, что Динка не часто в его сторону смотрит, и настроение у него упало.

Он сказал почти грубо:

– Мне говорили, что ты в прошлом году тоже с одним ходила?..

– Не с двумя же! – рассмеялась она.

– С кем? – заревновал Володька.

В прошлом году он мимо ушей пропустил, когда кто-то рассказывал, что она гуляет с парнем из вечерней школы – тогда ему это неинтересно было, а сейчас почему-то задело.

– Да, это он за мной бегал, – сказала Настена, – но я сразу ему сказала, чтобы он зря время не тратил...

– Кто он? – у Володьки даже голос сел. – Что, секрет?..

– Зачем тебе знать, если у нас ничего-ничего не было?

Он надулся. Она поцеловала его в щеку, потом в губы. Обняла его, прошептала:

– Ты лучше всех!..

Пролетарская улица действительно так заросла сиренью, что походила на сад. Да и весь город, кажется, утонул в этом цветении, аромат сирени проникал повсюду и кружил головы. Интересное растение: чем больше ломаешь с него веток, тем пуще оно разрастается; и в этих зарослях всегда прячутся лавочки, которые на самом деле должны стоять на автобусных остановках, но почему-то стояли в кустах, почему?

Володька взял Настену за руку и потянул на одну из лавочек. Она не стала сопротивляться, пошла за ним, но в эту минуту ее окликнули:

– Устя!

Окликнул ее Кот, вожак чаганской шпаны, который шел вразвалочку посередине улицы вместе с двумя урлаганами – Батоном и Шакалом.

«Откуда он знает ее домашнее имя?» – подумал Володька, сжимая кулаки: судя по всему, предстояла драка. Трое на одного. Наверняка подойдет еще и подкрепление. Блатные всегда берут числом.

И еще Бокаушин подумал: по какой улице – Чагано-набережной, Пролетарской или самому проспекту Сталина – ни пойдешь, обязательно нарвешься на драку.

– Устя, что же ты забыла наши края?! – сказал Кот. – Гуляешь с каким-то барбосом!..

– Ну, ты! – рассвирепел Бокаушин. – Урка недоделанный! Не буди лихо, пока оно тихо!..

Кот почти вплотную подошел к Володьке, процедил сквозь зубы:

– Ты под кого клинья подбиваешь, мурло подзаборное? Горя хочешь?

Володька оттолкнул его, тот отлетел, но тут же вернулся, как мячик от стенки, ударил Бокаушина в скулу. Не очень силен был Кот, но увертлив, подвижен, закален в уличных драках – опыта в этой науке у него было хоть отбавляй. Он ударил еще раз, на этот раз попал в глаз, да так, что глаз тотчас же стал затекать. «Вот дуля будет!» – подумал Володька и даже усмехнулся.

Но, конечно, было ему не до смеха, потому что шпана навалилась на него нешуточно. Как и предполагал Бокашин, ряды чаганских еще умножились. Уж куда-куда, а на драку местные собирались быстро.

Володька отмахивался недолго: заехал Коту в ухо, да так, что тот заохал, разбил нос долговязому блатному, со странной кликухой – Прозрачный, но в конце концов чаганские навалились на него, скрутили, и как он ни отбивался, затолкнули его в полузатопленный понтон, что сто лет стоял на Чагано-набережной.

В понтоне гуляло многократное ржавое металлическое эхо, и каждое слово и усиливалось, и повторялось, да так, что в ушах гудело.

– Ну, я тебя одного поймаю! – грозил Володька Коту.

– Ага, поймаешь! – усмехался блатной. – Я ждать буду, глаз ночами не смыкать...

– Погоди, тварь! – не унимался Володька.

Наверное, жалко выглядел он: с огромным синяком под глазом, с разбитыми губами, растрепанный, в разодранной рубашке.

– Тоже мне, ловила! – сказал Батон. – Это мы тебя поймали, сучонок! Подрежем тебя, как свинью!..

– Ну хватит уже! – подала голос Настена, которая не испугалась, не убежала, а пыталась вырвать Бокашина из рук шпаны. – Что вам такого сделал Володя?

– Если он чего-нибудь сделал, то тогда точно порежем! – сказал Кот. – Так вот скажи, чего он за тобой таскается?..

– Не у тебя ли разрешения спрашивать? – крикнул Володька.

– Именно у меня! – ответил Кот. – А я – не разрешаю...

– Да кто ты такой? Хозяин дорог, машин, человек? – насмешливо сказала Настена.

И тут, как будто это не было понятно с самого начала, до Володьки дошло: Кот – это и есть тот самый парень из вечерней школы, с которым в прошлом году гуляла Настена.

Его обожгло ревностью.

Ну пусть бы это был какой-нибудь гитарист ушастый, на которого Динка заглядывается, пусть был бы Борька Шкодин, с которым Володька в восьмом классе выходил «один на один – до первой крови», и они дрались на бывшем Столыпинском бульваре... Кто тогда победил? Кажется, они успели только по разу ударить друг друга и сразу расквасили носы... Пусть бы это был даже лопухий Пашин, радиолобитель, прозванный Детектором, опутавший все крыши квартала антеннами – кто угодно, но только не этот хорек!

Кот презрительно посмотрел на Володьку, сказал весомо:

– Получил по заслугам, кавалер?! Смотри, следующий раз будешь знать, с кем гулять. А теперь вали отсюда, вытирай соплю... Устя, как ты думаешь, хватит ему на сегодня?..

– Какая же ты сволочь! – сказала Настена. – Десять на одного...

– Да, вот такое я дерьмо! – вдруг сорвался Кот. – Но я у него девчонку не отбивал и не хожу с ней теперь по всему городу... назло, да?.. И ты хороша, сегодня с одним целуешься, завтра с другим... Мне мозги компостировала полгода, а другой поманил пальцем – и ты бросилась к нему!..

– Володя, он врет все, не слушай его! Не было у нас ничего... – обернулась Настена к Бокашину.

Кот злорадно захохотал. Отсмеявшись, сказал негромко:

– Иди, иди, Володенька! Свободен. А мы потом проводим Устю, не беспокойся!..

И опять ревность застила Бокаушину глаза. Он сказал Настене:

– Почему ты мне не сказала? Почему?..

– О чем говорить? – почти закричала она. – Ничего не было... Но даже если и было, то в прошлом году, и тебя это не касается...

Эх, зачем она произнесла эти последние слова? Володька услышал только их. Так, значит, его не касается? Вот она какая, эта Настена-Устинья-Устя! А ведь ему кто-то говорил, что она непостоянная – капризная и неверная.

И так обидно стало Володьке, так горько, а почему – он и сам не понимал.

– Понял, нет? – продолжил Кот. – Тебя это не касается, дергай отсюда, пока ветер без сучков.

– Эх, Настена! – всю возможную горечь вложил в эти два слова Володька. Потом, спустя много лет, он попытается разобраться в том, что же случилось тем майским днем, почему, и днем и ночью думая о Динке, он ревновал Настену, но объяснений так и не найдет. – Эх!..

– Знаешь что, – не выдержала она, – иди ты... иди домой... Не думала, что ты такой.

– А вот думай! – закричал он, и ржавое эхо понтона сто раз повторило: – Думай, думай, думай!..

Он оттолкнул окружавших его чаганских и выбрался из понтона, шпана вслед ему заулюлюкала. Он мгновенно осознал, что произошло нечто такое, что никогда не удастся исправить, что уже невозможно прошагать назад те пять шагов, которые отделяли его от понтона.

Вместо того чтобы броситься назад, кулаками разбивать свой позор, может быть, даже быть убитым, он прибавил шагу. Скорее, скорее!.. У автобусной остановки он обернулся и увидел, что Настена шагает вслед за ним; надежда хоть какая-то оправдаться перед ней загорелась в нем на минуту, но Настена прошла мимо, как будто его и не было тут.

Он окликнул ее, но она не отозвалась. Подошел автобус, совершенно пустой. Володька забрался в его душное нутро, оглянулся: Настена отправилась пешком. «Подумаешь! – прошептал он ей вслед. – Подумаешь...»

Автобус так и шел без пассажиров до самой володькиной остановки, и пустота салона каким-то образом дополнила другую пустоту – в его душе, и еще долго-долго он не мог избавиться от нее.

А через три дня он узнал, что она уехала. А через несколько лет получил от нее открытку с одним всего словом: «Поздравляю!»

* * *

Бокаушин снова полистал свою записную книжку, вот еще одна запись, та самая: «Д. недолго коб.» – и дата. Наверное, на самом деле она «недолго кобенилась». Волнуясь – а чего он волновался? – Володька стал набирать число, год, час.

– Ну что, будут еще деньги?

Динка устала вглядываться в мерцающие окошки автомата; похоже, что этот стальной ящик сейчас примется осыпать их с Володькой денежным дождем. Всё-таки судьба улыбнется им? Судьба?..

Бокаушин щелкнул выключателем, и свет фонарика высветил строго отмеренное палаточное пространство, плотно заселенное комарами. «Загрызут! – подумал Володька. – К утру в живых останется только тот очкарик с гитарой, потому что от его нудных песен даже комары врассыпную. Только Динка одна прилипла к нему у костра...»

Володька ушел от них, стало тошно от этого любовного еля. Его звали к другому костру, протянули кружку с какой-то жидкостью – что-то горько-сладкое приторное, липкое. Он выпил залпом и втянулся в бесконечный разговор о том, есть ли жизнь в космосе. Все сходились на том, что нет, что вся жизнь сейчас, этой комариной ночью, сосредоточена около костров их лагеря, а вокруг на миллиарды километров ледяная пустота. Даже на миллиарды миллиардов.

– Всё равно рано или поздно будет построена такая ракета, которая сможет летать так быстро, что эти миллиарды будет преодолевать за сутки, и станут люди летать к звездам, как раньше ездили в жесткой плацкарте в Саратов – меньше, чем за сутки, – сказал кто-то.

Другой подхватил разговор; самое время гнать пургу девчонкам у костра.

– Может оказаться, что тамошние цивилизации окажутся более развиты, чем люди, даже скорее всего. Мы при первом контакте можем даже не понять, что перед нами разумные существа.

– Точно! – сказал Володька. – Они – вылитые тыквы. Или – один в один – тушканчики.

– Они кусаются, – космический разговор стал уползать от этого костра, и Володьке стало неинтересно.

Если честно сказать, то и про космос ему было неинтересно; все уже давно поняли, что никакого космоса нет и в помине, а есть пустота, которая становится всё больше и больше. И перебраться через эту пропасть никто и никогда не сумеет. Так и будем сидеть на своем бережку, а они, несчастные, – на своем, и никогда не узнаем, жарко ли у них горел костер, удалась ли уха, а если недосол, то он на столе... И останется для нас тайной, верны ли они в любви, смелы ли в битвах, можно ли полагаться на их честное слово...

А они, живущие в других галактиках и даже газовых туманностях, думают ли они столько о нас, сколько мы о них? Таращатся ли всеми семью глазами на звездное небо или проклинают пространство и время, в которых так малоллюдно, а может быть, мы вообще единственные, и каждому человеку на круг выходит по четыре миллиарда звезд, да еще сотен по пять черных дыр достанется, и с дюжину голубых карликов? Космос – это одиночество, космос – это когда все уже спят в палатках, а ты всё про звезды да про звезды...

– Володька!.. – позвали его из ближайшей палатки. – Ты, когда прилетишь с галактики, загляни к нам, расскажешь, чего там интересного есть? Мы будем ждать...

– А на фиг туда летать? – ответил Володька. – Чего мы там забыли в вечных льдах?

– Разве не интересно посмотреть, что там делается? Ведь в космосе миллиарды миров, в самых разных измерениях!

– А чего там делаться может? Сначала попадаешь в бесконечность, а потом видишь – забор стоит бетонный, а на нем написано «Не влезай, убьет!»

– Какой забор? Что ты несешь?

Володька ответил:

– Ну где-то должен быть у вселенной край. Вот забор этот и есть край... Надеюсь, вы не верите в эту шутку про бесконечность? Иначе мы вольны предположить еще чего-нибудь вечное... Например, глупость... Космосу мы разрешаем быть бесконечным, а как же со всем остальным?..

– И где же этот забор стоит? – насмешливо спросила какая-то девчонка.

– У моих предков на даче, – сказал он серьезно.

– Дурак ты! – сказала девчонка.

– Согласен, – не стал спорить он. – Еще какой!.. Но я точно знаю, что в любом измерении, на любой самой узенькой улочке – везде не миновать мне встречи с закадычными друзьями – Котом и Батоном...

– Кажется, он уже заговаривается, – потеряли к нему интерес палаточные голоса, – какие-то коты у него, батоны...

«Нет, ничего не может измениться, – подумал Володька, – теперь очередь Динки...»

Он взял спальный мешок и улегся у самой воды. Слышно было, как внизу негромко плещется ночное озеро, шумит листвой неугомонившийся степной ветер. Володька запрокинул голову: вот он, космос! Прямо на него неслись десятка два астероидов, бесчисленно метеоров. Скатилась с небес крупная – с кулак, не меньше – звезда. Володька подумал: «Надо бы прикрыть котелки крышками, а то такого нападает из этого космоса!» Едва слышно тренькал на своей гитарке очкарик. Обвалился и рухнул в воду кусок глинистого яра; Садовское озеро, как и близкий Урал, точили яры. Словом, свершалось все, что должно было свершаться, и вдруг у Володьки перехватило дыхание, слезы навернулись на глаза, как в детстве, когда плачешь потому, что грустинка на язык попала, потому, что ты счастлив и вовеки не умрешь. А теперь ему хотелось заплакать, должно быть, от своей малости, от того, что в мире так устроено, что он, Володька, должен всегда драться со шпаной, очкарик играть на гитаре, а Динка – выбирать одного из них, и это нельзя никогда изменить. Будильник кем-то поставлен на семь, и каждый день он звенит в один и тот же час. Перевести стрелки на этом будильнике нельзя.

В высокой траве над яром кто-то шепотом сказал:

– Да тут голову сломаешь!..

В ответ раздалось почти шипение: «Тсссс...»

Володька не сразу узнал голос очкарика, потому что тот всегда пел, и, наверное, никто не слышал, как он говорит в жизни. Да и говорит ли он вообще? Оказывается, говорит, и очень раздраженно. Куда его несет, и кто с ним такой шипящий? Может, донки проверять пошли? Но донки стоят в другой стороне. Странно... Да и потом, кто может идти с гитаристом, еще минуту назад тренькающим на расстроенной гитаре? Динка!

– Эй, голубки! – повысил он голос, и в траве произошла какая-то возня, и кто-то шумно затопал вдоль яра.

– Стойте, зайцы, впереди яр обвалился, как раз тропинку смыл, – сказал он. – Можете улететь вниз, мало не будет!..

Топот тут же прекратился.

– Да я Кириллу показывала, в какой стороне Маринкин яр, – сказала из темноты Динка, – он историей интересуется...

Отсвет недалекого костра очертил ее фигуру на фоне черного неба. Не сразу замечен стал очкарик, он выглядывал из-за ее плеча.

– До Маринкина яра отсюда двести километров, – сказал Володька, хотя ему самому не доводилось бывать на месте последнего обиталища самозваной царицы.

Из одной из ближайших палаток дополнили:

– Двести пятьдесят...

– Ну и что же, всё равно на берегу Урала.

Динка явно обрадовалась тому, что удалось так хитро повести разговор, что никто не подумал спросить: «А чего вы в темноте бегаете? И от кого?»

– Там огромный клад зарыт... Кому-то посчастливится найти его...

Разговор у затухающего костра ненадолго ожил, и лагерь стал погружаться в сон.

– Пора и нам укладываться, – сказала Динка и посмотрела на очкарика.

Очкарик посмотрел на Володьку. Володька плеснул в костер остатки давно остывшего чая, костер откликнулся шипением, но не злобным. Было четыре часа утра, и на Бухарской стороне уже угадывалась заря, и костер знал, что его время не рассвет, а ночь. Он свое еще возьмет.

Очкарик явно страдал и не знал, что ему делать.

Динка заметила его нерешительность, сказала:

– Тащи свой спальник вот в эту палатку, да и рюкзак не бросай – утром может дождь грянуть. Зальет все твои вещи. Понял?

Очкарик понял, он был парень умный, недаром таскал в рюкзаке целую библиотеку – и стихи всякие, и умную прозу – Иванова, Бунегина, Денежкина, а любимая очкарикова книженция была про солдата Чонкина: днем, когда все ловили рыбу, он сидел на берегу с этим Чонкиным и много смеялся. Если кто-нибудь спрашивал у него, дескать, чего в книжке такого смешного, что он предпочел ее рыбалке, он охотно отвечал:

– Сильную вещь написал писатель, исключительно правдивую и жизненную, когда комическое и трагическое органично дополняют друг друга. Книжка эта всегда со мной – в рюкзаке...

– Какой придурок!.. – пробормотал Володька. – Какой я придурок!..

Он дождался, когда любитель Чонкина забрался в динкину палатку, когда сама Динка, буркнув что-то похожее на «спокночь», старательно отводя глаза, тоже залезла в палатку, и только потом он собрал свой спальный мешок, взвалил на плечи рюкзак, не тяжелый совсем, еще раз подошел к костру – последние мерцающие угольки темнели на глазах; нет, не наделает бед этот едва тлеющий огонь. И только потом он пошел в сторону Урала – там была проселочная дорога. Он не торопился, рассвет только угадывался.

Динка все-таки окликнула его:

– Уходишь? Зачем? Кому и что хочешь доказать?.. – спросила она почти равнодушно. – Впрочем, тут до города рукой подать... Пока.

– Пока, – сказал он.

– Смотри, не заблудись! – пожелала она ему.

– И ты не заплутайся...

– Что ж, прощай! – последние слова она произнесла с непонятной ей самой горечью. Но он уже не расслышал.

Автомат поднатужился и родил еще пачку денег. Впрочем, довольно жидкую. Не пачку – пачечку.

– Это за наши слезы! – не удержалась Динка, складывая потертые купюры в свою выдавшие виды сумочку.

– А ты, видать, проиграл раза в три больше, чем мне сказал, да? – сказала она Кириллу.

Помолчала с минуту и добавила:

– А тебя, сколько живем мы с тобой, мне почему-то хочется называть Анатолием, не знаешь – почему?

– Вот ведь и Володька у меня несколько раз спрашивал: почему мои родители не назвали меня Анатолием? Ему, видите ли, кажется, что я ярко выраженный Анатолий... А что, анатолии какие-то особенные?

– Успокойся! – прервала она его ономастические разглагольствования. – Тебя, во всяком случае, особенным называть не станут. Зануда... Игрочишка копеечный...

А ведь Володька был когда-то в меня влюблен... Впрочем, какой он теперь Володька – Владимир Иванович Бокашин; к нему через охрану не пробиться!..

Она вздохнула. Что было, то прошло. А Кирилл – Анатолий всё пытался выудить из автомата деньги. Но больше в нем не было ничего.

Астана, 2013

